

УДК 130.2

КОНЦЕПТЫ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ», «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ» И «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ»: БЫЛ ЛИ ПРАВ К. МАРКС?

Е.А. БОНДАРЕНКО*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru*

В статье дана философско-антропологическая и философско-культурологическая критика современных неолиберальных и анархо-индивидуалистических концепций «человеческого капитала» и «общества знаний» в контексте актуализации классических идей К. Маркса. Показано, что количественные темпоральные индикаторы человеческого труда в «когнитивном капитализме» существуют в превращенных формах измерения интеллектуального труда (интеллектуальная собственность, биржевые индексы, индексы цитирования учёных, имиджевые рейтинги и т.п.).

Ключевые слова: рабочая сила, человеческий капитал, человеческий труд, общество знаний, интеллектуальная собственность, рейтинги.

Наш век – торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? – Яркая заплата
На ветхом рублище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!...
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
А.С. Пушкин.

*Разговор книгопродавца с поэтом
(1824 г.)*

Мы специально поставили в начало заглавия нашей публикации столь модные термины «человеческий капитал» и «общество знания/знаний», маскирующие, как и не менее популярные концепты «постиндустриальное общество», «информационное общество», «когнитивный капитализм» и т.п., неизменный характер капиталистической эксплуатации человека и человечества. Но в этих новомодных теориях фиксируются – с научной тщательностью и порой критически – те реальные трансформации, которые происходили с капиталистической цивилизацией «модерна» в XX веке.

Интересно, что новая апология капитализма велась и ведётся одновременно как теми мыслителями, которые позиционировали себя в качестве «левых» интеллектуалов («социалистов» или «либералов»), так и теми, кто прямо заявляет о своём политическом, разумеется, буржуазном консерватизме. В этом плане показательны и соответствующие теоретические дрейфы. Например, Дж. Бернхейм начинал свой путь как приверженец радикального социализма троцкистского типа, но во время Второй мировой войны в знаменитой книге «Революция менеджеров» (1941) выступил с обоснованием тезиса, что профессиональные управленцы как «новый класс» сменяют классических индивидуальных и коллективных капиталистов. Разумеется, реалии показали, что просто на смену «наивным» классическим капиталистам пришли новые поколения более образованных ловцов сверхприбылей без риска личных вложений. Правда, теория «эффективных менеджеров» продолжает своё существование в иных «постиндустриальных» и «информационных» версиях. Особенно она прижилась в постсоветской России, когда под прикрытием приватизации и «эффективного менеджмента» произошёл рейдерский захват общенациональной собственности бывшей партийно-комсомольской и хозяйственной номенклатурной. «Эффект» мы испытываем на себе...

На фоне общего кризиса капитализма и технологического рывка советского социализма между мировыми войнами появляется экономическая теория Д.М. Кейнса¹, которая до 70-х годов прошлого века была не только основной политико-экономической технологией правительств индустриального Запада, но идеологией и практикой бурного экономического роста в рамках «общества потребления». Интересно, что поверхностное восприятие идей Кейнса, как утверждения принципов государственного регулирования рынка, привело даже к урезанному переводу в 1948 г. его основной книги в СССР. Кейнсианство ориентировало капиталистический Запад на государственное субсидирование как производственного, так и непроизводственных секторов (образования, науки, культуры и т.п.), социальных программ (пенсии, пособия по безработице и т.п.), что было не только производным от «борьбы трудящихся за свои права» и «соревнования с реальным социализмом», но и действенным рычагом стимулирования технологического роста через рост потребления в развитых странах.

В контексте теории и практики неокейнсианства и идей «революции менеджеров» появляются теории в духе «нового индустриализма» Дж.К.Гэлбрейта – работы «Общество изобилия» (1958) и «Новое индустриальное общество» (1961), – в которых он сделал ставку в экономике на менеджеров, «владеющих знаниями» и эффективно ведущих общество к потребительскому процветанию. И хотя в конце жизни в книге «Экономика невинного обмана» (2004) он выступил с пессимистичной оценкой современного капитализма, его идеи, так или иначе, повлияли на другие теории, прежде всего на теории «постиндустриализма» и «информационного общества», представленные наиболее репрезентативно в работах Д. Белла и Э. Тоффлера². Например, футуристические прогнозы в книгах Тоффлера, написанные с интервалом в десять лет, начали сбываться на глазах у ныне живущих поколений, когда технологический рост привёл не только к вторжению в нашу повседневность технологических инноваций (компьютеры и IT-технологии, сетевые формы организации коммуникаций и управления на всех уровнях, новая телефония и масс-медиа), но и новых форм организации труда, образования, досуга и т.д.

Эти идеи уже в большей степени ориентировались на неолиберальную парадигму в экономической и политической теории и практике. Экономический и политический кризис 70-х годов прошлого века в индустриально развитых странах положил конец доминированию кейнсианства и привёл к власти неолибералов. В прямом смысле, т.к. все правительства, от социалистов до консерваторов в своей экономической прагматике придерживаются не просто идей «свободного рынка», но и продвигают принцип рыночного, «рационального» регулирования всех сфер жизни общества: от экономики и индустрии до здравоохранения, образования, науки, культуры и социального обеспечения.

Именно в русле неолиберализма доминирующим стал концепт «человеческого капитала», хотя в своих истоках он восходит как к классической и марксистской трудовой теории рабочей силы, стоимости и капитала³, так и принадлежит неоклассическим экономическим теориям, в том числе кейнсианству и неокейнсианству.

Однако, наиболее радикальное теоретическое развертывание концепт «человеческий капитал» получил в работах Чикагской экономической школы, ставшей кузницей кадров современного неолиберализма. Собственно главой неолиберализма в рамках этой школы считается Милтон Фридман*, который ещё в 1940 г. выпустил совместно с Саймо-

¹ См.: Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002.

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002; Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI в. М., 2001.

³ М. Фуко не совсем корректно писал, что «классическая политическая экономия никогда не анализировала труд как таковой, или, скорее, бесконечно пыталась его нейтрализовать, а чтобы нейтрализовать, сводила его исключительно к временному фактору». См.: Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. С-Пб., 2010. С. 278.

* Лауреат Нобелевской премии по экономике за 1976 г.; во многом реанимировал и развил идеи раннего политико-экономического либерализма Адама Смита и Джона Стюарта Милля.

ном Кузнецом* книгу «Доходы от независимой частной практики», в которой уже содержались предпосылки для появления концепта «человеческий капитал». Но вот сам термин и его понятийно-теоретическое обоснование впервые дал в начале 60-х годов Теодор Шульц⁴, который хотя и был профессором Чикагского университета, но не придерживался столь радикальных либеральных взглядов, как М. Фридман, и Нобелевскую премию в 1979 г. получил экономическое исследование проблем развивающихся стран (в этом контексте им было проанализировано различие в экономическом росте развитых и развивающихся стран, связанное с феноменом инвестиций в человеческий капитал). Идеи Т. Шульца развил Гарри Беккер, также связанный судьбой и работой с Чикагским университетом, но и он был не столь радикально либерален, как М. Фридман. Собственно, Г. Беккер и может по праву считаться ведущим теоретиком-экономистом, развившим понятие «человеческий капитал», в том числе и с использованием математических и статистических методов исследования⁵. Поэтому М. Фуко, так увлекшись в 70-е годы идеей человеческого капитала, несколько опрометчиво приписывал её всецело неолибералам⁶. Хотя и Фридман, и Кузнец, и Шульц, и Беккер судьбой связаны с Чикагским университетом и так или иначе способствовали появлению и развитию концепта «человеческий капитал», а также стали нобелевскими лауреатами⁷, каждого из них однозначно нельзя отнести к «неолибералам» (Фуко, правда, оговаривался и отмечал, что все американцы по жизни «либералы», что недалеко от истины). Но что понимается экономистами под «человеческим капиталом»?

Т. Шульц, например, делил все человеческие способности на врожденные или приобретенные, а последние определял как «ценные качества», которые могут быть усилены со стороны человека или общества (предприятия) соответствующими вложениями, что и превращает их, собственно, в «человеческий капитал».

Г. Беккер интерпретировал поведение «гомо экономикус» как всецело рациональное и целесообразное, что роднит его с классическими политико-экономическими теориями, а под человеческим капиталом понимал определенный запас навыков, знаний, навыков и мотивов экономической деятельности, которые формируются фактически на протяжении всей активной жизнедеятельности любого человека путем инвестиций (индивидуальных, коллективных в семье или на предприятии, общественных через государство) в общее и профессиональное образование и переквалификацию, что способствует накоплению и профессионализма и опыта, в сбережение здоровья и физическую культуру тела, трудовую мобильность, интеллектуальную и информационную активность. Основное внимание в формировании человеческого капитала Беккер уделял образованию и его экономической эффективности, путём статистических подсчётов, что и оценил, собственно, Нобелевский комитет. Но он также показал, как индивидуальные инвестиции в человеческий капитал связаны с инвестициями и капитализацией «человеческого ресурса» на уровне предприятия и национальных экономик.

Если кратко резюмировать, то с точки зрения экономистов «человеческий капитал» представляет собой интегральную сумму таких составляющих, как здоровье, знание, культура и свобода личности⁸. Но мы не будем подробно рассматривать экономические

* Лауреат Нобелевской премии по экономике за 1971 г., выходец из России; развивал идеи Й. Шумпетера и является создателем прикладных методов и математических моделей исследования экономики.

⁴ См.: Schultz T.W. Capital formation by education // *Journal of Political Economy*. 1960. Vol. 68. P. 571-583; Schultz T.W. *Investment in Human Capital: The role of education and of research*. New York: The Free Press, 1971; Shultz T. *Investment in Human Capital*. N.Y., London, 1971, p. 26-28.

⁵ См.: Becker G. *Investment in human capital: a theoretical analysis* // *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70 (5), 2^e partie. P. 9-49; Becker, Gary S. *Human Capital*. N.Y.: Columbia University Press, 1964.

⁶ См.: Фуко М. *Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году*. СПб., 2010.

⁷ См.: *Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии*. Т. 1. 1969-1982. СПб., 2007; *Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии*. Т. 2. 1983-1996. СПб., 2009.

⁸ См.: Римапшевская Н.М. *Человеческий потенциал России и проблемы сбережения населения* // *Российский экономический журнал*. 2004. № 9-10. С. 22-40.

идеи и практики неолиберализма, нам интересен сам этот концепт⁹. Это именно концепт, а не теоретическое понятие, т.к. в понятийной метафоре «человеческий капитал» доминируют не только и не столько рационализации реалий «новой» капиталистической экономики, сколько политико-идеологические, мировоззренческие и антропологические смыслы. Прежде всего, мы остановимся на антропологических и культурных составляющих данного концепта.

Как мы уже отметили, фактически первую философско-антропологическую интерпретацию концепта «человеческий капитал» дал ещё М. Фуко в лекциях «Рождение биополитики»¹⁰, подготовленных и прочитанных в 1978-1979 гг. на волне прихода к власти неолибералов, которые оказались в США и Англии неоконсерваторами (хотя и французские социалисты придерживались этого же курса). Во-первых, Фуко совершенно справедливо пишет о взаимоотношении марксистской и неолиберальной мысли: «Неолибералы практически никогда не обсуждают Маркса в силу того, что можно считать экономическим снобизмом. Но мне кажется, что, если бы они дали себе труд дискутировать с Марксом, они обнаружили бы то, что [уместно] было бы назвать анализом Маркса. Они сказали бы: совершенно очевидно, что Маркс в своем анализе сделал труд одной из существенных основ. Но что делает Маркс, когда он анализирует труд? Он показывает, что рабочий продает что? Не труд, но рабочую силу»¹¹. Но далее он фактически примыкает к неолиберализму, отмечая, что «классическая экономия была неспособна позаботиться об анализе труда в его конкретной спецификации и его качественных модуляциях, потому что она оставила эту чистую страницу, эту лауну, эту пустоту в своей теории, поспешив создать вокруг труда целую философию, антропологию, политику, представителем которой и был Маркс... они упускают спецификацию, качественные модуляции и экономические эффекты этих качественных модуляций, так это, в сущности, потому, что классические экономисты всегда рассматривают в качестве объекта экономии процесс, капитал, капиталовложение, машину, продукт и т.п.»¹². Так ли это?

Обратимся к классическим текстам Маркса из первого тома «Капитала», прижизненной манифестации его идей. Действительно, Маркс упор делал в своём анализе труда на время как меру абстрактного труда специфического товара «рабочая сила», отвлекаясь от «качественных модуляций» труда. Маркс, различая потребительную и меновую стоимость товара, определяет последнюю количественными параметрами, действительно абстрагируется в данном случае от качественных и индивидуальных характеристик труда: «Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимостью субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т.д.»¹³. Но игнорирует ли Маркс в своём анализе труда его «качественные модуляции»? Выступает ли для него «труд» и носитель «труда», человек, в виде некоей безжизненной абстракции? Разумеется, нет.

Не стоит полностью цитировать ставшее хрестоматийным то место в «Капитале», где речь идёт о фактически философском определении труда как такового, но тем не менее: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам про-

⁹ В отечественной науке имеются многочисленные и интересные экономические исследования «человеческого капитала». См.: Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06. М., 2012; Корчагин Ю.А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации?: Монография. Воронеж, 2005; Корчагин Ю.А. Человеческий капитал и инновационная экономика России. Монография. Воронеж: ЦИРЭ, 2012; и др.

¹⁰ См.: Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. СПб., 2010.

¹¹ Там же. С. 279.

¹² Там же. С. 280, 281.

¹³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960. С. 47.

тивостоят как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти... Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил»¹⁴. Где же здесь отход от «качественных модуляций» труда?

Аналогичное, качественное определение труда мы находим и в характеристике «докапиталистических», конкретно-исторических форм труда. Качественные определения труда теряются не в силу «абстрагирующей силы» ума теоретика, а в процессе социальной трансформации самого труда при переходе к механическому мануфактурному, а затем машинному индустриальному производству. «Познания, рассудительность и воля, которые, пусть даже в незначительных масштабах, развивает самостоятельный крестьянин или ремесленник, – пишет Маркс, – подобно тому как у дикаря все его военное искусство проявляется как личная хитрость, – требуются здесь только от всей мастерской в целом. Духовные потенции производства расширяют свой масштаб на одной стороне потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила... Он (процесс отделения – авт.) завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу»¹⁵. Таким образом, Маркс показывает, что абстрактные, стоимостные характеристики труда и процесс его превращения в «рабочую силу», количественную темпоральную абстракцию, есть продукт «естественноисторического» развития капиталистического индустриального способа производства.

Критики Маркса и классической политэкономии порой соглашаются, что количественное измерение рабочей силы и труда временем имеет смысл на ранней стадии индустриализма, в эпоху «свободной конкуренции». Но теряет свою значимость при переходе к «постиндустриализму» и «обществу знаний». В этом плане интерес представляют достаточно противоречивые идеи Андре Горца, с одной стороны критикующего марксистское понимание труда, а с другой опирающегося на его идеи о будущем свободном развитии труда и производства знания (науки), заложенном в рукописном наследии. Он говорит о превращении «рабочей силы» в «человеческий капитал» в условиях «общества знаний», когда не только научное знание, но и «неявное», неформализованное профессиональное знание («живое знание») становятся факторами социальной динамики. «Труд, который начиная с Адама Смита считался общей для всех товаров основой стоимости, при таких условиях не поддается измерению в единицах времени, – пишет он. – Уже не затраченное на работу время, а «компонент поведения» и мотивация считаются важнейшими факторами создания стоимости. Фирмы всё больше распоряжаются ими как своим «человеческим капиталом». Вопрос о том, как капиталу завладеть человеком

¹⁴ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960. С. 188–189.

¹⁵ Там же. С. 374.

целиком и сделать его полностью «мобильным», решен отменой фиксированного оклада: трудящиеся должны теперь сами стать предприятием и даже на крупнейших заводах (таких как Volkswagen или DaimlerChrysler) вынуждены сами заботиться о рентабельности своего труда. Конкурентная борьба вынуждает их принимать давление логики рыночного сбыта за собственную внутреннюю мотивацию. На место наемного рабочего, получающего зарплату, приходит трудящийся-предприниматель, который приглашен сам заботиться о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т.д. На место эксплуатации заступают самоэксплуатация и самосбыт «человек-предприятий», бесчисленных «Я-АО»¹⁶. Пока мы зададим А. Горцу один риторический вопрос: от того, что эксплуатация в обществе «когнитивного капитализма» (ещё одно название для «общества знаний» или «информационного общества») становится «самоэксплуатацией», она перестает быть таковой и при этом именно на капиталистический лад?

Как у А. Горца, так и у М. Фуко, на которого первый, собственно, и опирается, главный интерес в концепте «человеческий капитал» представляет момент превращения человека «самопредприятие», что очень важно для актуализации и развития фукианского концепта «практики себя», с которым он фактически связывает прогресс человеческих «практик свободы», начиная от античного «познай себя» и исповедальных практик христианства и заканчивая либеральными и анархическими практиками свободы. В момент, когда Фуко читал свои лекции, посвященные либеральным «практикам самости», он как бы уже и забыл о своих анархически-индивидуалистических исканиях периода студенческих бунтов и борьбы со «знанием-властью». Он видел в неолиберализме более реалистический путь постепенной реализации свободы человека. Вот здесь его и интересовал неолиберальный «человек-фирма» как реализация метафоры «человеческого капитала». «Это концепция не рабочей силы, а капитала-компетенции, в зависимости от различных переменных получающего определенный доход, который есть заработная плата, так что трудящийся оказывается, так сказать, сам себе предприятием. А в пределе мы видим тот элемент, который я уже отмечал в немецком и в определенной степени во французском неолиберализме, – ту идею, что экономический анализ должен обнаружить в качестве базового элемента этих дешифровок не столько индивида, процесс или механизмы, сколько предприятия»¹⁷. Но разве у Маркса речь шла о том, что «базовым элементом» классического индустриализма является машина или рабочий, а не «предприятие» (вначале мануфактура, а затем фабрика)? Именно между капиталистическими предприятиями как в эпоху раннего, так и во времена зрелого индустриализма (государственно-монополитического, а затем транснационального) разворачивается основная конкурентная борьба, в ходе которой и реализуется в рационально-иррациональных формах капитал, создаваемый, в конечном счете, рабочими на предприятиях. Разве перенесение неолибералами конкуренции вовнутрь предприятия и её напряженная реализация между «человеками-предприятиями» (будь они наёмными инженерами, менеджерами или обслуживающими рабочими, заботящимися о своей профессиональной конкурентоспособности и «ликвидности») отменяет саму природу капиталистической конкуренции, которая только и создаёт капитал как самовозрастающую стоимость? Разумеется, нет. Надо одеть неолиберальные очки, чтобы не видеть эксплуатации «человека-предприятия» и в «когнитивном капитализме», и в «обществе знаний».

Может быть здесь исчезают и количественные оценки «интеллектуализированного», «нематериального» труда как реализации «живых знаний» (А. Горц) или «экспертного знания» (Э. Гидденс)? «Производительный труд, измерявшийся в единицах произведенного за единицу времени продукта, сменился так называемым нематериальным трудом, который уже не поддается измерению классическими способами»¹⁸, – пишет А. Горц. Но ему и себе противоречит М. Фуко, когда пишет: «Чем же конституируется это инвестирование, формирующее компетенцию-машину? Известно из экспериментов, из наблюдений, что оно конституируется, к примеру, тем *временем* (выделено нами – авт.),

¹⁶ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 13.

¹⁷ Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. СПб., 2010. С. 284.

¹⁸ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 21.

которое родители посвящают своим детям помимо простой воспитательной деятельности в собственном смысле»¹⁹. Сюда же надо отнести не только время воспитания родителями детей и инвестирования в их образование и здоровье, но и время инвестирования в себя, которое происходит как до прихода «человека-предприятия» на большое предприятие после школы, колледжа или университета (при этом часто молодые люди вынуждены сами зарабатывать на учёбу «неквалифицированным» трудом), так и после, работая, под угрозой потери работы, затрачивая свои «доходы» и «свободное время» на инвестиции в себя. Здесь через задний ход возвращается измерение труда «человека-предприятия» временем и его количеством, когда обращается к тому факту, что все инвестиции в «человеческий капитал» так или иначе связаны с временными затратами индивида и семьи.

Это вряд ли то «свободное время» как время свободной реализации человеческой личности, о котором писал Маркс. Скорее всего, мы здесь имеем в завуалированной, симулятивной форме всё тот же феномен, о котором писал Маркс: «В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения *всей жизни масс в рабочее время* (выделено нами)»²⁰. Это то *время заботы* по Хайдеггеру, где индивид вынужден не реализовать смысл своего бытия, а думать о хлебе насущном «здесь и сейчас», о завтрашнем дне в условиях объективации «бытия в мире» и о лучшей продаже своего «индивидуального предприятия» всё тем же транснациональным предприятиям. Это и есть капиталистическая биополитика, о которой писал Фуко, в которой управленческие манипуляции жизнью человека со стороны общества и капитала дополняются самоманипуляциями человека. Человек в «обществе знаний» и в «когнитивном капитализме» становится той унтер-офицерской вдовой неоллиберализма, которая сам/сама себя создаёт, сам/сама с собой конкурирует и сам/сама себя эксплуатирует. Только во благо кого или чего?

Это «время самоэксплуатации» вынесено за стены капиталистического предприятия (очень удачная неоллиберальная рационализация экономии оплаты труда!) в семью. Человек фактически вынужден трудиться чуть ли не полные сутки над своим *специфическим товаром* «человек-предприятие», сменившим в «когнитивном капитализме» товар «рабочая сила». Да, он якобы получает «доход», капитализирует свои инвестиции в себя (теории «трудового дохода» и т.п. иллюзии Маркс критиковал применительно к классической политэкономии и наивных представлений самих рабочих). Но реализация основной прибыли отнесена уже в сферу финансового капитала и фондовых рынков, создающих сверхприбыль на спекуляциях вокруг брендированных (фактически виртуальных) IT-предприятий. И не они, в конечном счете, создают реальную прибавочную стоимость, о которой писал Маркс, а те массы по-прежнему индустриальных рабочих в странах третьего мира и «догоняющей индустриализации» и «догоняющей постиндустриализации» (Китай, Вьетнам, Восточная Европа, Африка и т.п.), куда вынесены технологии реального производства товаров.

Мы видим, что реальный «постиндустриализм» на самой деле означает не доминирование интеллектуального труда над материальным, и не только их разделение в рамках национальных экономик, а их глобальное разделение: страны «золотого миллиарда», как производители интеллектуальных технологий и «экспертного знания», и остальные страны, производители товаров широкого потребления с использованием дешевого товара «рабочая сила» (телевизоры и автомобили Америка давно уже не производит). Символами такого глобального разделения на два мира – мир Труда и мир Капитала – давно стали Китай и США.

Маркс никогда не писал, что стоимость товара «рабочая сила» *напрямую* измеряется временем, затраченным рабочим в процессе труда на конкретном предприятии. В «Капитале» читаем: «Сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного

¹⁹ Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. СПб., 2010. С. 289.

²⁰ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960. С. 539.

труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, *устанавливаются общественным процессом за спиной производителей* (выделено нами – авт.) и потому кажутся последним установленным обычаем... Напротив, *всеобщая форма стоимости* (выделено нами – авт.) возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что так как стоимостная предметность товаров представляет собой просто «общественное бытие» этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что их стоимостная форма должна быть поэтому *общественно значимой формой* (выделено нами – авт.)²¹. Мы не будем останавливаться подробно на том факте, что именно в сфере общественного разделения труда формируются такие количественные индикаторы для измерения специфического товара «знание», которые выступают превращенными формами темпоральных характеристик труда, в том числе и труда интеллектуального.

Это, прежде всего, *интеллектуальная собственность*, которая как собственность на патенты возникает еще во времена А. Смита и Д. Рикардо и делает «экспертные знания» специфическим товаром, покупаемым и продаваемым. К сожалению, Маркс почти не обратил внимания на эту форму собственности и роль патентов и патентного права (авторского права и т.п.) в развитии капиталистического индустриализма. Разумеется, во времена свободного капитализма и первых форм капиталистического применения науки в индустриальном производстве не было и таких развитых количественных индикаторов измерения научного труда, как различного рода индексы цитирования учёного или рейтинги университетов, основных производителей знания в современном «когнитивном капитализме». Но эти количественные индикаторы являются лишь превращенными и виртуализированными формами всё того же времени, затрачиваемого конкретным индивидом, будь он простым рабочим на китайском предприятии, российским чиновником, эффективным менеджером в транснациональной компании или профессором университета.

Это индикаторы, которые служат генераторами всё той же иррациональной денежной формы стоимости, которая позволяет продать и купить рукопись, картину, патент, навыки управленца или лекторский талант, даже если при этом используются «электронные» деньги банковской карточки, а не поблекший зеленый доллар или яркий юань.

Это индикаторы времени эксплуатации человеческого труда, затрачиваемого на производство промышленных товаров, научных инноваций или на образование и повышение квалификации. Это не отменяет капиталистической природы любого труда в современном мире «постиндустриализма». И в этом Маркс был прав.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
2. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010.
3. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06. М., 2012.
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002.
5. Корчагин Ю.А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? Воронеж, 2005.
6. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал и инновационная экономика России. Воронеж: ЦИРЭ, 2012.
7. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. Т. 1. 1969-1982. СПб., 2007.
8. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. Т. 2. 1983-1996. СПб., 2009.

²¹ Там же. С. 53.

9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960.
10. Римапшевская Н.М. Человеческий потенциал России и проблемы сбережения населения // Российский экономический журнал. 2004. № 9-10. С. 22-40.
11. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI в. М., 2001.
12. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.
13. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008.
14. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. С-Пб., 2010.
15. Becker G. Investment in human capital: a theoretical analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70 (5), 2^e partie. P. 9-49.
16. Becker, Gary S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.
17. Schultz T.W. Capital formation by education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68.
18. Shultz T. Investment in Human Capital. N.Y., London, 1971.

CONCEPTS "HUMAN CAPITAL", "KNOWLEDGE SOCIETY" AND "INTELLECTUAL PROPERTY": WAS K. MARX RIGHT?

E.A. BONDARENKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru

The paper discusses the philosophical-anthropological and philosophical-cultural critique of modern neoliberalist and anarcho-individualist concepts "human capital" and "knowledge society" in terms of actualisation of classical Marx's ideas. The author claims that quantitative temporal indicators of the human labour in "cognitive capitalism" exist in transformed shapes of the measurement of the intellectual activity (intellectual property, market indexes, citation indexes, image ratings).

Key words: labour power, human capital, human labour, knowledge society, intellectual property, rating.